ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. М. Козырева,
А. И. Смирнов

Доверие и его роль в консолидации российского общества

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_rol.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

Раздел 7.

ДОВЕРИЕ И ЕГО РОЛЬ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Многочисленные и сложные проблемы, накопившиеся в российском обществе, настоятельно требуют для своего решения объединения усилий всех граждан, которое невозможно без укрепления доверия между ними. Доверие является той основой, на которой формируются надежные социальные связи, укрепляющие общество, придающие целостность любому социальному организму. Только на пути взаимопонимания, взаимного уважения и доверия люди способны глубже осознать единство своих коренных интересов и найти общий путь преодоления накопившихся трудностей. И как показывают реалии кризисного периода, российское общество все отчетливее осознает необходимость общенациональной консолидации на основе повышения доверия на всех уровнях взаимоотношений — межличностном, групповом, региональном. Рост этого осознания стимулирует поиск новых резервов повышения взаимопонимания и доверия в обществе.

В настоящее время необходим новый взгляд на многие актуальные проблемы общественного развития, из которого должна родиться та позитивная стратегическая линия, которая призвана определить будущее российского общества. Разнообразие жизненных и культурных ориентаций способно сформировать новую, основанную на взаимопонимании и доверии, сплоченность, целостность общества. Подобная социальная слитность должна опираться на признание общей значимости, ценности каждого индивида, представителей различных социальных групп и слоев общества, наций и народностей нашей страны. Широта взглядов на жизнь, освобождение сознания от нетерпимости, патологической подозрительности может быть результатом реального освоения гражданами новых, свободных от груза прошлого, форм социального взаимодействия.

В настоящем разделе рассматриваются актуальные проблемы, главные тенденции и возможности укрепления доверия в современном российском обществе. Основное внимание уделяется анализу различных аспектов межличностного доверия в контексте проблем социального капитала. Информационной базой анализа послужили результаты «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ)[1].

1 Мониторинг проводится ИС РАН, исследовательским центром «Демоскоп», ГУ-ВШЭ и Университетом Северной Каролины (США) с 1994 по 2008 гг. В ходе мониторинга по территориальной многоступенчатой вероятностной выборке, репрезентативной для Российской Федерации, ежегодно опрашивается свыше 5 тыс. домохозяйств в 157 населенных пунктах. Более подробно о методических аспектах исследования см.: *Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М.* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3. С. 153–172.

1. ДОВЕРИЕ В КОНЦЕПЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

В последние годы проблема доверия оказалась в центре социологических дискуссий в связи с активной разработкой теории социального капитала, появление которой связывается с работами П. Бурдье. Согласно его концепции, существует не один экономический капитал, а несколько разных капиталов: культурный капитал, политический капитал, социальный капитал и т.д. Тем самым предлагается вместо одномерного представления о социальном пространстве многомерное, при котором социальное пространство состоит из множества автономных полей, каждое из которых определяют специфические способы доминирования. В трактовке П. Бурдье социальный капитал предстает в виде совокупности актуальных и потенциальных ресурсов, основанных на родственных отношениях и отношениях в группе членства, как совокупность потенциальных или реальных ресурсов, накапливающихся у индивидуума или группы благодаря наличию устойчивой сети более или менее институционализированных связей или отношений взаимного признания[1].

Значительный вклад в разработку теории социального капитала вслед за П. Бурдье внесли Р. Берт, Дж. Джакобс, А. Зелигман, Р. Инглхарт, Р. Коуз, Д. Норт, Р. Патнэм, Г. Саймон, А. Сена, Дж. Стиглиц, Ф. Фукуяма, А. Этциони и другие зарубежные ученые. В разрабатываемых ими теориях и концепциях, во многом определяющих современное состояние научного поиска в рассматриваемой области, доверию отводится если не ключевая, то одна из ведущих ролей.

Существенный вклад в разработку теории социального капитала внес Дж. Коулмэн[2]. Он рассматривает его как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который целенаправленно сформирован в виде обязательств и ожиданий, информационных каналов и социальных норм. Социальный капитал, по его мнению, включает институты, отношения и нормы, определяющие качество и количество социальных взаимодействий в обществе. В подобном духе высказывается и другой крупный специалист в данной области Р. Патнэм, указывающий, что социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как особенности социальной жизни, социальные сети, социальные нормы и доверие, которые создают условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды[3]. Но при этом Дж. Коулмэн полагает, что доверие способствует накоплению социаль-

---

[1] *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. P. 248.

[2] *Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement. P. 95—120; *Coleman J.* Foundations of social theory. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.

[3] *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. NY: Princeton, 1993. P. 35.

ного капитала, тогда как Р. Патнэм считает, что аккумуляция социального капитала ведет к увеличению доверия. При этом последний рассматривает социальный капитал как ресурс, обеспечивающий солидарность общества и способствующий его развитию.

Ф. Фукуяма, отталкиваясь от наработок Дж. Коулмэна, Р. Патнэма и их последователей, определяет социальный капитал как способность людей образовывать друг с другом определенную общность и работать вместе в одном коллективе ради достижения общей цели. Такая способность к объединению и солидарности зависит от наличия внутри сообщества комплекса норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, и от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом появления общих норм и ценностей выступает доверие, которое, по мнению Ф. Фукуямы, представляет собой возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами[1]. Таким образом, доверие, выступающее необходимой предпосылкой и основой социального капитала, возникает в обществе как выражение ожиданий нормального, честного и предсказуемого поведения и взаимодействия на основе общих ценностей, норм, традиций, обычаев.

Продуктивные и интересные подходы к анализу социального капитала содержатся в работах российских ученых. С.Ю. Барсукова, Г.В. Градосельская, Н.Н. Лебедева, С.В. Патрушев, Т.Ю. Сидорина, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова и др. с разных научных позиций рассматривают проблемы социального капитала и его взаимосвязи с доверием. Но, несмотря на наличие различных исходных позиций и множественность концептуальных подходов, обнаруживается достаточно четкое, хотя и не всегда хорошо осознаваемое, тождество при анализе рассматриваемых проблем.

Преобладающим на сегодня является мнение, согласно которому социальный капитал формируется при функционировании таких механизмов, как социальные сети, общие нормы, ценности и убеждения, взаимное доверие[2]. Его важнейшей особенностью является способность конвертироваться в другие формы капитала или использоваться в качестве замены экономических ресурсов. Речь идет о том, что социальные связи, обязательства, доверие могут обеспечивать получение финансового капитала и доступа к разнообразным благам, использоваться для повышения качества человеческого капитала. Дальнейшее развитие получила идея множественности видов капитала и их использования для выживания в сложных социально-экономических условиях, решения повседневных проблем. При этом осо-

---

[1] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 52.

[2] *Красилова А.Н.* Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. 2007. № 4. С. 161.

бое внимание уделяется анализу общих закономерностей трансформации различных форм капитала, а также обоснованию и раскрытию значимости социального капитала для развития неформальной экономики.

С точки зрения теории социального капитала доверие к обществу основывается на разветвленных и глубоких связях, которые носят в том числе и неформальный, добровольный характер. Речь идет, по сути, о горизонтальных связях, характерных для гражданского общества, образующих своеобразное социальное пространство, в котором люди взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от друга, так и от государства индивидов. Вступая в систему отношений гражданского общества, индивид не утрачивает своего личностного начала. Важной особенностью таких связей является стихийно складывающаяся система социального сотрудничества и взаимопомощи, в рамках которой каждый субъект получает новые возможности для реализации своих целей. Не случайно Дж. Александер определяет гражданское общество как «место», где формируются ощущения взаимозависимости друг от друга[1].

Горизонтально-сетевые отношения, формирующие своего рода социальное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют в качестве независимых как по отношению к государству, так и по отношению друг к другу индивидов, что требует определенной степени взаимного уважения и доверия, образуют один из основных механизмов и срезов гражданского общества. Эти связи выступают в качестве основы для формирования каналов социального обмена, участники которого являют собой хотя и независимых, самостоятельных, но все же находящихся на различных структурных позициях людей, т.е. людей, являющихся одновременно участниками индивидуального и институционального обмена.

Совокупность горизонтально-сетевых связей выступает основой для создания базовых форм межличностной солидарности, базирующейся на общности или близости частных интересов, выработки механизма согласования несовпадающих позиций и углубления интеграционных процессов в обществе на уровне межличностных взаимоотношений. Речь идет об одном из механизмов реализации интегративной функции гражданского общества, которая связана с его способностью самостоятельно, без вмешательства государства, регулировать спонтанную активность субъектов.

Чтобы сохранять свои свойства, социальный капитал требует к себе постоянного, пристального внимания и заботы. Доказано, что социальные связи и взаимное доверие быстро ослабевают, если субъекты перестают поддерживать регулярные контакты. Развитие социального капитала представляет собой результат совместных усилий нескольких сторон и осуществляется прежде всего в процессе его использования. Он содержится в отношениях

---

[1] *Alexander J.C.* Democracy and Civil Society. Mimeo, Los Angeles: UCLA, 1992. P. 2.

индивидов, является одним из важнейших свойств структуры социальных отношений и утрачивается, если утрачиваются социальные связи. Использование социального капитала повышает эффективность группового взаимодействия за счет открытости и доверительности отношений. Социальный капитал формирует основы устойчивого социального и политического порядка, обеспечивает возможность добровольного коллективного поведения. В конечном счете, социальный капитал, протягивая нити доверия и межличностной солидарности, помогает упрочить каркас общества, содействуя его консолидации.

Итак, во всех анализируемых концепциях одно из центральных мест среди оснований социального капитала принадлежит доверию. Главное различие заключается в том, что одни авторы на первый план выдвигают идею социальных сетей, отводят решающую роль в структуре социального капитала социальным связям индивидов, социальных групп, организаций, корпораций и т.д., тогда как другие отдают предпочтение доверию. Но как бы то ни было, доверие и социальный капитал анализируются как очень близкие, тесно связанные между собой, взаимодополняющие категории: с одной стороны, социальный капитал предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами сообщества; с другой стороны, достигнутый уровень доверия выступает выражением накопленного запаса социального капитала. При этом механизм возникновения и развития доверия рассматривается как процесс формирования и укрепления социального капитала. Выделяют различные типы доверия, в том числе межличностное доверие между близкими и знакомыми людьми, межличностное доверие между незнакомыми людьми, доверие к общественным и частным институтам.

Многие зарубежные и отечественные (Р. Роуз, П. Штомпка и др.) исследователи подчеркивают особую роль культуры в достижении определенного уровня доверия, не без оснований полагая, что суть проблемы доверия и социального капитала всецело заключена в существующей системе ценностей, норм, традиций и обычаев. Доверие, являющееся основой социальной интеграции, формируется на основе согласия большинства граждан придерживаться единой системы ценностей.

Доверие по отношению к окружающим базируется на том предположении, что люди разделяют одни и те же ценности и нормы морали. Выступая в виде уверенности в чьей-либо добросовестности, искренности и правильности[1], доверие является одной из социально-психологических основ социального согласия и во многом определяет динамику развития основных социальных процессов, целостность общества. Без доверия и взаимного уважения невозможно ни объединить людей, ни вовлечь различные социальные

[1] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. С. 173.

группы в процесс тесного и конструктивного взаимодействия. Социологи и психологи едины в том, что определенная степень доверия является обязательным первичным фактором для установления долговременной связи и интеграции. Успешное существование социальной системы требует высокого уровня взаимного доверия между людьми и доверия «к миру», социуму[1]. Не случайно проблема доверия рассматривается в качестве одной из центральных для дальнейшего развития общества.

В этой связи особый интерес вызывает подход, используемый А. Зелигманом, который рассматривает доверие, во-первых, как ощущение ответственности, обязанности, необходимости, долга и, во-вторых, как значимую степень уверенности в завтрашнем дне[2]. В первом случае доверие всегда персонифицировано, т.е. речь идет о доверии к конкретным людям. Во втором оно ассоциируется с определенными социальными институтами и системами, с деятельностью которых люди связывают свои ожидания и надежды на будущее. Этот подход перекликается с позицией В. Миштала, считающего, что доверие образует континуум от личного до абстрактного. Абстрактное доверие в данном случае строится не на основе личных отношений первичной общности или вторичных отношений формальных организаций, а порождается институтами образования и коммуникации. Ряд ученых, идя еще дальше, наряду с межличностным доверием рассматривает обобщенное доверие, которое не связано с конкретной ситуацией взаимодействия, предметом и объектом доверия.

Успехи общества в решающей степени определяются тем, насколько глубоко граждане разделяют ценности и нормы, позволяющие им взаимодействовать на равной и взаимовыгодной основе. В конечном счете, речь идет о том, что чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, чем надежнее связи между людьми, тем устойчивее, сплоченнее и эффективнее общество, прочнее его демократические устои.

Взаимное доверие и уважение дают возможность разным людям сотрудничать, взаимодействовать на равной основе, лучше понимать друг друга, находить наиболее приемлемые, оптимальные для всех сторон пути и способы решения споров и конфликтов в повседневной жизни. Доверие подразумевает высокий уровень ответственности, честности и предсказуемости во взаимоотношениях взаимодействующих субъектов. И чем сильнее развиты нормы взаимной ответственности, основанные на уверенности в выполнении взаимных обязанностей, что достигается при наличии доверия между людьми, тем выше потенциал социальных связей в обществе. Как показывает опыт, доверие поддерживается прежде всего стабильными, устойчивыми сетевыми

---

[1] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 151–154.

[2] *Seligman A.B.* The Problem of Trust. Princeton, 1997.

взаимодействиями. Постоянное и надежное взаимодействие вызывает кумулятивный эффект, который приводит к последовательному наращиванию потенциала доверия. Достижение высокого уровня доверия и солидарности, что характерно для высокоразвитого социального капитала, делает формальные нормы необязательными.

Доверию принадлежит особая роль в расширении поля свободной деятельности человека, дающей импульсы продвижению по пути реформ. В этой связи происходит переосмысление нашего понимания доверия не только на концептуальном уровне, но и с точки зрения формирования практической платформы, одного из важнейших оснований дальнейшего переустройства общества. Как представляется, доверие может утвердиться практически в том случае, если будут созданы реальные условия, при которых каждый человек будет предъявлять самому себе высокие нравственные, социальные и профессиональные требования. Расширение и углубление социальных связей, укрепление межличностного доверия упрочивает социальный капитал, содействуя консолидации общества.

2. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» фиксируют довольно низкий уровень доверия между людьми в нынешнем российском обществе, который не выдерживает сравнения с дореформенным периодом (рис. 1). Доля респондентов, считающих, что во времена Советского Союза можно было доверять большинству людей, почти в 2,5 раза превосходит удельный вес лиц, которые склонны доверять большинству сограждан сегодня (37,4% против 15,2%). При этом доля респондентов, полагающих, что в настоящее время с людьми всегда надо быть очень внимательными и осторожными, достигает 56,4% (советский период — 37,4%). Следовательно, сегодня количество россиян с недоверием, настороженно относящихся к окружающим, почти в 4 раза превышает количество тех, кто доверяет большинству других людей.

Подобные мнения, характеризующие так называемое генерализованное (или обобщенное) доверие, отражают общую ситуацию в стране, которая пребывает в сложном состоянии не только в экономическом, но и в социальном плане. Россияне остро ощущают дефицит личной безопасности, болезненно реагируют на нехватку морали и равенства. Если в дореформенном обществе больше всего ценились трудолюбие, честность и порядочность, то в нынешнем обществе — богатство и власть. Подобные представления чрезвычайно широко распространены среди граждан обоего пола, разного возраста и с разным уровнем образования, проживающих как в городах, так и в сельской местности. Расцветший на этой почве потребительский беспредел вытеснил или свел до минимума прежние моральные противовесы, уничтожил

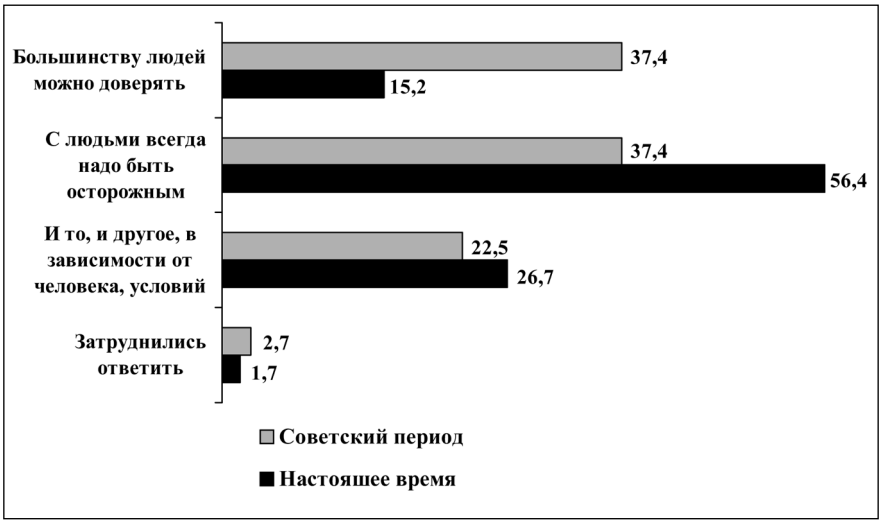

Рисунок 1. **Представления о характере отношений доверия между людьми в настоящее время и в дореформенный период, %**

основополагающие социальные табу. Практически не осталось легитимных, всеми признанных и соблюдаемых норм общественного поведения и ценностных стандартов. Социальный цинизм проник в самые разные слои общества, что генерирует распространение подозрительности, настороженности во взаимоотношениях, нарастание недоверия между людьми. В конечном счете, изменения затронули не только количественную, но и качественную сторону доверия.

Радикальные реформы изменили как государственное устройство, экономическую и политическую жизнь российского общества, так и самого человека, освободив его «не только от советских, но и от более традиционных стереотипов восприятия мира и поведенческих установок»[1]. Одним из направлений этих изменений стало формирование у россиян качеств, адекватных развивающимся рыночным отношениям. Сегодня, когда трансформационные процессы продвинулись чрезвычайно глубоко, можно говорить о том, что подавляющее большинство граждан в той или иной степени адаптировалось к новой экономической ситуации. Но, поскольку приспосабливаться им пришлось не к тому идеализированному рынку, который существовал только в представлениях людей, а к реальной рыночной экономике, со всеми ее изъянами и недостатками, многократно усиленными трансформационным кризисом, приобретенные ими качества оказались тоже далеко не идеальными. Вместо ожидаемого роста доверия с переходом к рыночным отношениям

[1] *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 275.

наибольшее распространение получили мошенничество, жульничество и обман. Многие россияне после соприкосновения с такой рыночной средой стали эгоистичнее, изворотливее, жестче.

Разрыв в материальных возможностях, значительные различия в уровне и качестве потребления разделили не только людей, близких духовно или по политико-идеологическим предпочтениям, но и находящихся в дружеских или родственных отношениях.

Преобладание открытых, доверительных отношений между людьми в нынешнем российском обществе в большей степени расположены замечать самые молодые и пожилые люди (до 20 лет и старше 60 лет). Превышение доли респондентов, не склонных доверять другим людям, над долей респондентов, склонных к доверию, в этих возрастных когортах минимально (соответственно 36,6 и 34,5 процентных пунктов). В то же время в когорте 21–30-летних оно достигает 46,7%, но затем постепенно падает до 41,3% среди 51–60-летних. Представляет интерес и тот факт, что в самой молодой и в самой старшей возрастных когортах отмечается повышенный процент лиц, не знающих, как реагировать на поставленный вопрос.

Склонность доверять другим людям в наибольшей мере характерна наименее образованным людям. Превышение удельного веса лиц, расположенных к недоверию, над доверчивыми в группе респондентов с неполным средним образованием составляет 36,1%, тогда как в когортах, объединяющих лиц с общим средним и средним специальным образованием — 46,1 и 42,3% соответственно. Повышенная склонность к доверию в группе граждан с начальным и неполным средним образованием во многом объясняется их молодым возрастом (до 20 лет). Отдельно следует сказать о людях с высшим образованием, которые чаще других граждан воздерживаются от однозначных, скоропалительных оценок, соглашаясь с промежуточным вариантом ответа — «и то, и другое, в зависимости от человека, условий» (29,3%). Анализируя эти данные, уместно вспомнить слова Ф. Тенниса о том, что «личное доверие всегда обусловлено личностью доверяющего — его умом и в особенности знанием людей, т.е. опытом, на котором это знание основано, так что в общем человек простодушный и неопытный легковерен, ибо склонен к доверчивости, умный же и опытный верит с трудом, ибо склонен к сомнению...»[1]. Примечательно, что с повышением уровня образования мнения респондентов становятся более четкими и уверенными, о чем свидетельствует последовательное снижение удельного веса респондентов, затруднившихся ответить на поставленный вопрос.

Обращает на себя внимание и тот факт, что сельские жители в большей мере склонны доверять другим людям, чем горожане. Если среди сельских жителей превышение доли лиц, не склонных к доверию, над теми, кто рас-

[1] *Теннис Ф.* Общность и общество // Теоретическая социология: Антология. Ч. I / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 220.

положен к доверию, составляет 35,3%, то среди жителей региональных центров и других городов — соответственно 44,2 и 42,3%. Сельская среда особенно благоприятна для формирования доверительных отношений между людьми. Здесь прочнее хозяйственные, трудовые, родственные, соседские и иные, основанные на доверии, связи, укрепляющие социальный капитал. Близкие контакты жителей одного села, одной деревни способствуют более тесному общению, создают прочную атмосферу искренности, открытости и взаимопомощи. Хорошее знание друг друга позволяет устанавливать тесные взаимоотношения между возрастными и иными группами сельчан. Немаловажное значение имеет и то, что сельская среда более статична, а сельская жизнь отличается более устойчивыми нормами и ценностями людей.

В отличие от сельчан, более прагматичные и осмотрительные горожане чаще отмечают, что с людьми всегда надо быть внимательными и осторожными. Жители крупных городов с большим подозрением смотрят не только на приезжих, но и на соседей. Они видят в людях больше недостатков, тогда как провинциалы склонны к позитивному взгляду на ближних.

Выше оценивают уровень доверия в обществе лица, занимающие верхние ступени на шкалах самооценки материального благосостояния и обладания властью (табл. 1). Так, наибольшие различия в уровнях межличностного доверия наблюдаются между группами респондентов, занимающими низшую и высшую ступени на шкале материального благосостояния. Достаточно указать, что если среди первых доля лиц, не склонных доверять другим людям, достигает 62,2%, то среди вторых — 38,7%. Но наибольшего внимания заслуживают различия, фиксируемые между группами респондентов, располагающимися на пятой и шестой ступенях шкалы. Начиная с этой границы отмечается резкое снижение удельного веса лиц, не склонных доверять другим людям, и увеличение доли респондентов, занимающих осторожную, промежуточную позицию.

Еще более отчетливо проявляется зависимость оценок межличностного доверия от самооценок уровня обладанию властью. В данном случае доля лиц, склонных с недоверием относиться к другим людям, постепенно снижается при последовательном переходе от низшей ступени к высшей с 63,4 до 43,1%.

Большое отставание в оценках нынешнего общества от дореформенного по уровню межличностного доверия, согласия и сплоченности свидетельствует о том, что российское общество по прошествии полутора десятков лет с начала радикальных преобразований так и не смогло восстановить подорванный социальный капитал и находится в раздробленном состоянии. Во многом это результат недовольства людей нынешней жизнью, которая характеризуется засильем индивидуализма, вульгарного прагматизма и бездуховности, безразличием к судьбам других людей. Как свидетельствуют исследования, распространение потребительского образа жизни неизбеж-

Таблица 1. **Зависимость межличностного доверия от самооценок уровня материального благосостояния и обладания властью, %**[1]

Оценка межличностного доверия	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
Распределение по шкале материального благосостояния									
Большинству людей можно доверять	10,8	13,3	16,2	16,4	14,5	16,8	14,8	12,5	6,5
С людьми всегда надо быть осторожными	62,2	57,0	56,4	53,8	59,9	52,8	52,7	51,0	38,7
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	25,0	27,4	26,0	28,4	24,0	28,3	31,8	31,5	51,6
Затруднились ответить	2,0	2,3	1,4	1,4	1,6	2,1	0,7	5,0	3,2
Распределение по шкале обладания властью									
Большинству людей можно доверять	12,7	15,9	15,3	15,9	15,1	15,9	18,4	23,1	2,0
С людьми всегда надо быть осторожными	63,4	57,2	56,1	54,1	57,1	52,0	49,6	51,9	43,1
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	22,1	25,7	27,3	28,4	26,5	30,5	31,6	23,1	52,9
Затруднились ответить	1,8	1,2	1,2	1,6	1,3	1,6	0,4	1,9	2,0

но сопровождается ростом социальной изоляции и хроническим чувством неудовлетворенности своей жизнью[2]. Люди с огромным беспокойством наблюдают за сужением культурных горизонтов, ограничением их рамками утилитарных, корыстных интересов, утратой глубоких социальных связей, повсеместным распространением идеологии вседозволенности, безответственности, индивидуалистической и эгоистической морали. Кроме того, многие россияне, особенно самого старшего возраста, продолжают воспринимать советское общество только лишь с позитивных позиций — как общество с искренними, открытыми и бескорыстными взаимоотношениями.

В ответах людей старшего поколения, которое больше всех пострадало от рыночных реформ, присутствует тоска по прошлому и недовольство сегодняшней жизнью. Идеализируя прошлое, они с предубеждением относятся к настоящему. На фоне нынешней нелегкой жизни, пронизанной недоверием и подозрительностью, советское общество кажется многим чуть ли не самым лучшим, наполненным доброжелательностью и заботой о людях. Не случайно

[1] Данные по группам респондентов, занимающих «высшие ступени» на идентификационных шкалах материального благосостояния и обладания властью в силу малочисленности следует рассматривать как ориентировочные.

[2] *Хагуров Т.А.* Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 128.

количество россиян, желающих, чтобы их дети росли во времена Советского Союза, все еще превышает количество тех, кто считает, что в сегодняшней России детям жить гораздо лучше (соответственно 45,2% против 39,4%). Но здесь очень четко прослеживаются возрастные различия. Так, совершенно не жалеют о том, что их дети воспитывались в Советском Союзе 67,5% пожилых людей, тогда как среди молодежи желание растить своих детей в советском обществе выражает только каждый десятый. При этом три четверти опрошенных молодых людей отдают предпочтение современной России.

В представлениях многих россиян нынешняя эпоха не выдерживает сравнения с советским периодом по ряду параметров, но в особенности по уровню стабильности жизни, безопасности личности и социальной защищенности, т.е. по тем критериям, которые относятся к разряду основных, обеспечивающих человеку безопасное, комфортное существование. Эти позиции утверждают уважение к жизни, приверженность тем основам взаимоотношений, без которых невозможно человеческое существование каждого. Они направлены на защиту человека и создание оптимальных условий для жизни и развития каждой личности, определяют переход от логики насилия к логике уважения интересов других людей. Необходимо также иметь в виду, что в советское время различные связи, основанные на доверии, выполняли важнейшую роль в механизме перераспределения материальных ресурсов. В условиях всеобщего дефицита личные связи занимали главенствующее положение во взаимоотношениях людей, а социальный капитал в определенном смысле выполнял роль денежного капитала. Включенность людей в разветвленные социальные сети, основанные на межличностных контактах, создавала своеобразную атмосферу доверия, распространявшуюся на многие стороны повседневной жизни, за пределами которой, однако, царили официальная, подчеркнутая строгость, доведенная до абсурда принципиальность.

Российское общество потеряло многое из того позитивного, на чем базировалось доверие между людьми в советском обществе, и не смогло сформировать новые основания. Всего лишь 43% россиян не опасаются сегодня других людей. Рост взаимного недоверия в трансформирующемся российском обществе обусловлен многими причинами, в том числе усложнением социальных проблем, разросшейся преступностью, новыми явлениями в процессах социальной стратификации, углублением социально-экономического неравенства, усилившейся властью и бесконтрольностью чиновничества, утверждением качественно новых социальных эталонов, глубокими идеологическими противоречиями, нравственным расколом в душах людей и многим другим.

Взаимное недоверие, подозрительность становится одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе. Люди, склонные с недоверием относиться к окружающим, гораздо

хуже оценивают шансы на достижение толерантных взаимоотношений между бедными и богатыми, простыми людьми и обладателями большой власти. Равно как склонность доверять другим людям усиливает уверенность в том, что такие взаимоотношения возможны. Наличие указанных закономерностей во многом объясняется тем, что доверие и толерантность едины в своей направленности. Доверие, являющееся одним из главных оснований социального капитала, подразумевает высокий уровень ответственности, искренности, откровенности и предсказуемости во взаимоотношениях, т.е. все то, что необходимо для толерантности, которая формирует основы устойчивого социального порядка, расширяет возможности добровольного и добропорядочного поведения, порождает добрую волю и понимание, позволяющее гражданам мирно разрешать возникающие противоречия и конфликты. Как отмечает С.В. Патрушев, «социальный капитал сосредоточен на тех культурных ценностях и установках, которые создают для граждан возможность сотрудничать, доверять, понимать и выражать себя во взаимных отношениях, рассматривая друг друга как сограждан, а не в качестве незнакомцев, конкурентов или потенциальных врагов»[1]. По сути, речь идет о тех же ценностях, которые лежат в основе толерантности как готовности принять других такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия.

Все годы радикальных преобразований сознание россиян находилось под постоянным давлением разрушительных, деструктивных процессов, провоцирующих рост неудовлетворенности различными сторонами жизни, вызывающих массовое недовольство, усиливающих разобщенность и генерирующих недоверие. Если еще совсем недавно, в начале реформ, главная трудность состояла в избавлении общества от нетерпимости и подозрительности к инакомыслящим, то сегодня речь идет также о преодолении разобщенности между людьми, различающимися по уровню материального благосостояния, занимающими различные ступени на социальной лестнице. Сейчас от недостатка доверия страдают как отдельные люди, так и все общество. В периоды таких коренных общественных преобразований и обострения конфликтов поиск новых путей повышения доверия приобретает особую актуальность. Последние годы жизни нашего общества свидетельствуют о том, что формирование доверительных отношений между людьми, представляющими различные социальные группы и слои, разделяющими различные убеждения, взгляды, точки зрения, мировоззренческие позиции — процесс долгий и трудный.

С одной стороны, особенности нынешнего этапа развития общества настоятельно требуют утверждения атмосферы доверия между россиянами, ослабления национальной, религиозной, политической нетерпимости

[1] *Патрушев С.В.* Российские ценности и проблемы формирования культуры мира (по данным социологических опросов 1995—1999 гг.) // От нетерпимости к согласию. Проблемы перехода от гражданского и религиозного противостояния к веротерпимости и общественному согласию. М.: МИПП, Изд-во «Весь Мир», 1999. С. 153.

и подозрительности, препятствующих упрочению интеграционных тенденций. С другой стороны, та же логика укрепления основ прогрессивного развития общества вызывает необходимость усиления нетерпимости в отношении терроризма, экстремизма, преступности и им подобных негативных явлений. В результате взаимодействия этих противоположных тенденций формируются болезненные узлы недоверия, в основе которых нередко лежат определенные стереотипы, предубеждения в отношении тех или иных групп населения.

В этой связи особую значимость сегодня приобретает анализ причин несправедливого отношения к людям, подрывающим основы доверия между согражданами. Чаще всего такой причиной, по мнению значительной части россиян, становится национальность человека (рис. 2).

Очень часто несправедливое отношение к людям порождают также различия в уровне материальной обеспеченности граждан. Причем в менее выгодном положении оказываются граждане, не располагающие значительными материальными ресурсами: доля респондентов, заявивших о том, что несправедливо относятся к бедным часто или очень часто, в полтора раза больше доли тех, кто считает, что не менее часто причиной несправедливого отношения к людям становится богатство, высокие доходы (37,2% против 25%). Кроме того, около трети респондентов (33,7%) относят к таким причинам социальное происхождение, которое в немалой степени определяет уровень материальной обеспеченности граждан.

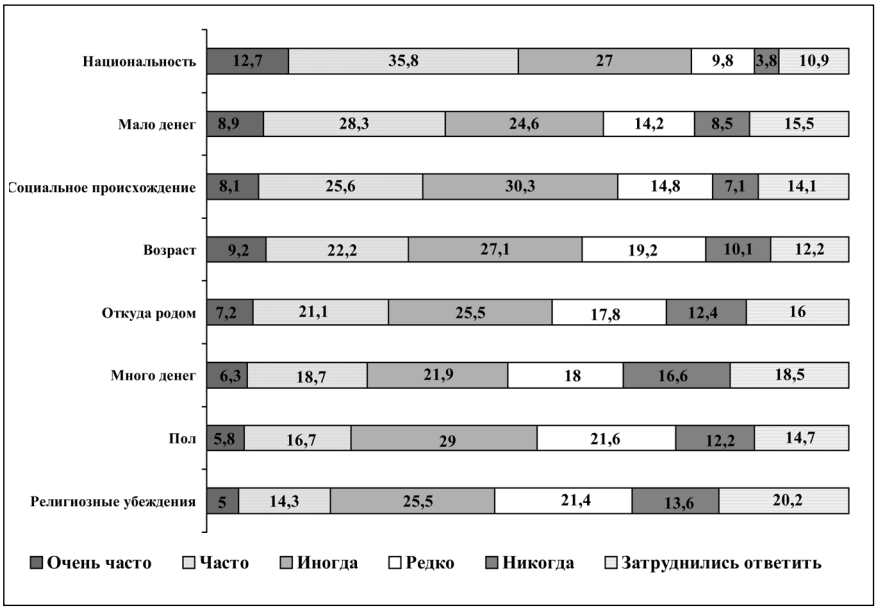

Рисунок 2. **Значимость причин несправедливого отношения к людям, %**

Не одинакова и природа подобного отношения. Когда речь идет о несправедливом отношении к бедным, чаще всего подразумевается игнорирование их интересов и нарушение прав. Что же касается несправедливого отношения к богатым, то в его основе обычно лежит чрезмерная подозрительность, нетерпимость или неприязнь бедного большинства по отношению к лицам, занимающим высокие позиции на шкале материального благосостояния. Очевидно, что настороженность в отношении богатых распространена довольно широко, и нельзя утверждать, что накал этой неприязни со временем снижается.

К другим значимым причинам несправедливого отношения к людям следует отнести такие характеристики как пол, возраст, место рождения и религиозные убеждения. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что возраст и место рождения оказываются более весомыми причинами, чем пол.

Мнения респондентов по данному вопросу зависят от их возраста (рис. 3). Обращают на себя внимание, в частности, значительные различия в оценках между самыми молодыми респондентами (до 20 лет) и 21–30-летними, а также между 51–60-летними и пожилыми людьми в возрасте старше 60 лет. Самые молодые и пожилые респонденты в данном случае реже отмечают те или иные причины предвзятого отношения к людям. Хорошо заметно довольно последовательное снижение с возрастом значимости таких причин, как национальность (с 52,9% среди 21–30-летних до 41,4% среди лиц старше 60 лет), социальное происхождение (соответственно с 37,2 до 26,8%), место рождения (с 29,4 до 24,4%), материальная обеспеченность (с 26,5 до 22,1%).

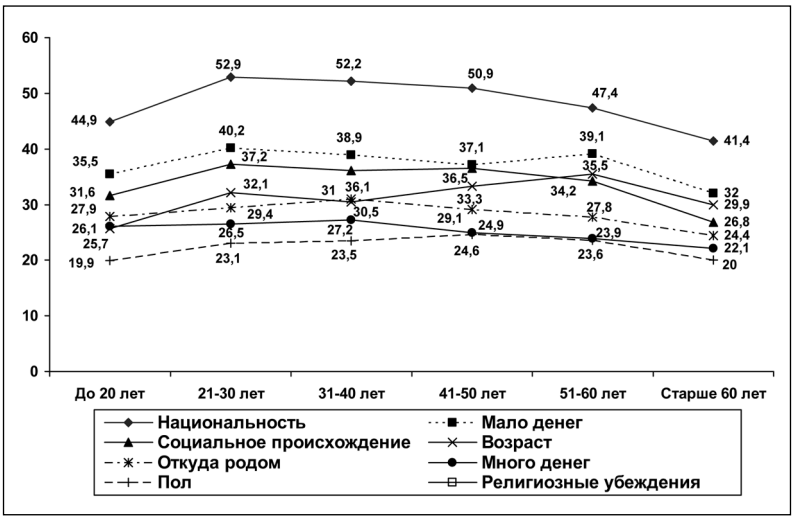

Рисунок 3. **Зависимость оценок значимости причин несправедливого отношения к людям от возраста респондентов, %**[1]

[1] На рисунках 3 и 4 приведены суммарные данные по двум позициям «очень часто» и «часто».

Более весомым фактором оказывается образование респондентов. Из данных, приведенных на рисунке 4, хорошо видно, что у людей с более высоким уровнем образования существенно возрастает оценка значимости таких причин предвзятого, незаслуженного отношения к людям, как национальность, возраст, место рождения. Анализ данных по социально-демографическому срезу также показал, что сельчане и жители небольших поселков и провинциальных городов чаще, чем жители крупных городов, в том числе региональных центров, обращают внимание на несправедливое отношение к людям в связи с их национальностью, социальным происхождением, состоятельностью (материальной обеспеченностью) и некоторыми другими причинами.

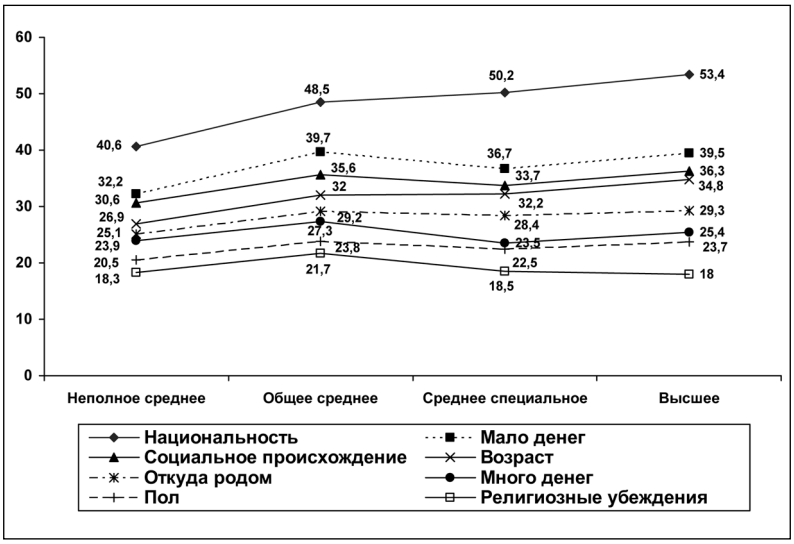

Рисунок 4. **Зависимость оценок значимости причин несправедливого отношения к людям от уровня образования респондентов, %**

Подводя итог сказанному, можно заключить, что, несмотря на наличие ряда позитивных тенденций, следует признать, что нынешнее российское общество существенно проигрывает дореформенному по уровню межличностного доверия, искренности, доброжелательности, толерантности во взаимоотношениях между людьми, всего того, что делает возможным нормальные человеческие взаимосвязи. В этой связи особую значимость приобретает проблема восстановления и укрепления социального капитала, подорванного глубоким трансформационным кризисом. Как уже не раз было доказано, чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, тем устойчивее и эффективнее общество.

3. ДОВЕРИЕ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Доверие играет исключительно важную роль в укреплении межэтнических отношений, что особенно важно сегодня, когда они испытывают на себе всю тяжесть трудностей в жизни многонационального государства. Обостренность национальных отношений, межэтнических контактов обусловлена совокупностью политических, экономических, идеологических и культурных факторов, имеющих место в динамично меняющемся российском обществе. Межэтнические отношения складываются как на институциональном, так и на межгрупповом и межличностном уровнях. На межличностном уровне отношения между людьми разных национальностей реализуются в повседневной жизни — в семейной, соседской, дружеской среде, в трудовых коллективах.

Рассмотрение личности как субъекта национальных отношений предполагает обращение к сфере межличностных отношений и связанной с ними проблемы общения людей различных национальностей. При этом межличностное общение, так же как и межличностные отношения людей различных национальностей нельзя анализировать отдельно от национальных отношений в целом и межнационального общения в его широком понимании.

Как показывает практика, чаще всего межличностные контакты связаны с производственными интересами, духовными, культурными, семейно-бытовыми и иными повседневными потребностями людей. Но в том случае, когда в контакты вступают лица разных национальностей, существует возможность восприятия взаимодействующих субъектов не только как работников, партнеров, сослуживцев, товарищей, членов семьи и т.п., но и как представителей той или иной национальности. В таких случаях особое значение приобретает характер данного восприятия, определяющий степень и особенности взаимопонимания между контактирующими сторонами. В процессе взаимодействия, общения особое значение имеют национальные особенности культуры контактирующих сторон.

Анализ данных РМЭЗ убеждает в том, что культурные факторы, традиции, обычаи очень сильно взаимосвязаны с межэтническими отношениями в сфере повседневной жизни, семьи и быта. Это проявляется, в частности, в отношении граждан к этнически смешанным бракам, фиксирующим социально-культурную дистанцию взаимодействующих народов. Готовность человека контактировать с лицами иной национальности в семейной сфере может свидетельствовать о том, что такую же готовность он проявит к общению в деловой, публичной сферах. Но данная закономерность не всегда проявляется прямолинейно, поскольку многое зависит от характера влияния многих других факторов. Это было замечено еще в более ранних этносоциологических исследованиях[1].

[1] *Дробижева Л.М.* Этническая социология в СССР и постсоветской России // Социология в России. М.: Институт социологии РАН, 1996. С . 206.

Как показывают результаты РМЭЗ, очень многие респонденты настороженно относятся к людям других национальностей или не доверяют им, и поэтому не хотели бы видеть их в своей семье, среди ближайших родственников (мужа своей дочери или жены своего сына). Полную толерантность в такой ситуации, выражая готовность контактировать с лицами иной национальности в семейной сфере, сохраняют только 42% опрошенных. Между тем примерно каждый четвертый респондент предпочитает, чтобы его ребенок состоял в браке с человеком своей национальности, но возражать против его выбора не стал бы. На примере этих групп хорошо заметны трудноуловимые различия между толерантностью и терпимостью. В то время как первые демонстрируют готовность воспринимать людей другой национальности и контактировать, взаимодействовать с ними, вторые выражают готовность терпеть их присутствие ради сохранения спокойствия в семье.

Для 8,2% респондентов национальность не имеет значения только в том случае, если будут полностью соблюдаться традиции и обычаи своего народа, и еще 5,8% опрошенных ставят решение данного вопроса в зависимость от того, к какой национальности принадлежит будущий родственник. Эти люди имеют достаточно серьезные предубеждения против представителей определенных национальностей, вызванные распространенными в массовом сознании этническими стереотипами и предрассудками. И, наконец, около 20% респондентов категорически не желают видеть среди своих новых родственников людей другой национальности. Полная неготовность контактировать в семье с людьми другой национальности как проявление высокой степени недоверия может быть результатом как подверженности человека предрассудкам, стереотипам и фобиям, так и следствием гипертрофированного этноцентризма, а в определенных случаях и болезненной, обостренной реакцией на проявления этнической дискриминации.

Национальность входит в число детерминант, определяющих степень доверия подчиненных своему непосредственному начальнику. Почти три четверти респондентов в той или иной мере связывают свое отношение к начальнику с его национальностью. Так, почти половина опрошенных (48,8%) не придают значения национальности начальника только в том случае, если он хороший руководитель. 7,7% респондентов, отдавая предпочтение представителю своей национальности, в то же время намерены спокойно относиться к руководителю любой другой национальности. Небольшая часть респондентов (2,2%) делит всех людей, не исключая начальников, в зависимости от этнических предпочтений на «своих» и «чужих». И около 15% опрошенных выражают крайнюю степень недоверия, предпочитая работать только с начальником, являющимся представителем своей национальности.

Отсутствие взаимного доверия, мешая строить нормальные взаимоотношения между людьми, выступает препятствием на пути дальнейшего

реформирования общества, развития интеграционных процессов, углубления межэтнических и межконфессиональных контактов. Последнее представляется особенно актуальным для российского многонационального государства с точки зрения предупреждения новых и ликвидации тлеющих очагов межэтнических конфликтов, которые возникли после распада Советского Союза. В связи с этим усиливается важность анализа масштабов и форм проявления доверия (недоверия) во взаимоотношениях между людьми разных национальностей в контексте проблем социального капитала.

Серьезной проблемой, влияющей на формирование атмосферы доверия в российском обществе, является значительный приток мигрантов, в особенности инонациональных переселенцев из стран бывших республик Советского Союза и других государств.

Большинство коренных россиян вполне доброжелательно относятся к переселенцам русской национальности, считая их «своими». Интолерантные установки, вызванные недоверием к вынужденным мигрантам, характерны только для каждого десятого респондента. Вместе с тем 11,5% опрошенных выступают против того, чтобы мигранты, хотя бы и русской национальности, поселились рядом и стали соседями. Около 14% коренных жителей возражают против того, чтобы мигранты переезжали в их город, поселок или село, покупали и строили рядом жилье, обустраивались на «их» территории. Еще меньше доброжелательности остается, когда респонденты задумываются о перспективе возможных родственных отношений с вынужденными мигрантами. В этом случае доля отрицательных ответов возрастает до 16%.

Подозрительное отношение к мигрантам русской национальности больше характерно для молодежи, лиц с низким уровнем образования, т.е. для людей, чаще подверженных различного рода предубеждениям, предрассудкам, суевериям. С большей долей недоверия относятся к переселенцам люди, занимающие верхние ступени на идентификационных шкалах богатства и власти. Очень сильным раздражителем для представителей богатых и влиятельных лиц выступает предположение, что мигранты могут стать их родственниками. Углубляющееся расслоение общества усилило роль социальной гомогенности как своеобразного фильтра для отбора брачного партнера, мужа (жены) своего взрослого ребенка и т.п. Ведущими признаками выбора становятся положение в обществе, ресурсы семьи, уровень личных доходов и др. Подобные модели фильтров подробно разработали А. Керкофф, К. Дэвис, Р. Хилл, А. Кац и другие американские социологи[1].

Многие респонденты с большей легкостью допускают возможность установления толерантных отношений между людьми, разделенными богатством и властью, чем выражают желание принимать на постоянное место житель-

[1] *Kerckhoff A., Davis K.* Valus consensus and need complimentarity in mate selection. Amer. Soc. Rev., 1962. June. vol. 27. P. 295—303; *Katz A., Hill R.* Residential propinquity and marital selection — a review of theory, method and fact. Marriage and Family Living. 1958, Febr. Vol. 20. P. 27—36.

ства русских переселенцев, контактировать с ними в повседневной жизни, устанавливать родственные отношения.

Подобные установки части населения входят в противоречие с национальными интересами России, которая заинтересована в притоке русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья. По опыту российских регионов, миграция оказывает стабилизирующее влияние на демографическую ситуацию, компенсируя естественную убыль населения и снижение рождаемости. Приток вынужденных мигрантов увеличивает трудовые ресурсы; повышает профессионально-квалификационный и образовательный потенциалы регионов; позволяет заполнять малопрестижные рабочие места в крупных городах; помогает спасать от исчезновения «вымирающие» села и от закрытия сельские школы и т.д.[1] Однако социально-экономический эффект от миграции появляется не сразу и поэтому часто остается не замеченным обычными гражданами.

Но в целом у россиян нет какой-либо стойкой предубежденности против переселенцев русской национальности, о чем убедительно свидетельствует доминирование толерантных установок даже в самых конфликтных ситуациях. Наоборот, для подавляющего большинства российских граждан прибывающие из ближнего зарубежья соотечественники являются «своими» и «желательными». Очень многие одобряют и поддерживают их стремление вернуться в Россию не только из чувства сострадания или общечеловеческого гуманизма, но и из соображений этнической солидарности, национального единства или патриотических настроений. Вместе с тем к мигрантам других национальностей респонденты относятся с гораздо большей долей недоверия. Почти две трети опрошенных выступают против того, чтобы Россия принимала на постоянное место жительства всех желающих из бывших республик Средней Азии и Закавказья независимо от национальности.

Негативно настроены против того, чтобы рядом с ними селились обычные семьи приезжих из Украины 13,5%; Молдавии — 18%; с Северного Кавказа (дагестанцы, черкесы, чеченцы, ингуши и др.) — 49%; из Закавказья (азербайджанцы, армяне, грузины и др.) — 47,9%; из Средней Азии (киргизы, узбеки, таджики, туркмены и др.) — 46,9% россиян (рис. 5). При этом в отношении украинцев и молдаван у россиян сохраняется довольно устойчивое нейтральное отношение, тогда как в отношении мигрантов других национальностей доминирует недоверие, подозрительность, неприязнь, раздражение и т.п.

Таким образом, в отношении мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства в Россию, большинство респондентов занимают избирательную позицию. Причем существует довольно четкое разделение переселенцев по национальному признаку на «своих» и «чужих», на «желатель-

[1] Диагностика социальной напряженности в обществе: региональный аспект / Под ред. П.В. Акинина, С.В. Рязанцева. Ставрополь: Сервисшкола, 2002. С. 104—116.

ных» и «нежелательных», т.е. на тех, кого хотели бы видеть в России и тех, чей приезд вызывает у коренного населения большие опасения.

Неприязнь к инонациональным мигрантам чаще всего представляет собой реакцию на реальные или предполагаемые угрозы в ситуациях, когда человек ощущает ограниченность ресурсов выживания и возможности защиты своих интересов. Чувство опасности усиливается не только из-за действий мигрантов, воспринимаемых как опасность, но и вследствие неуверенности в собственных силах.

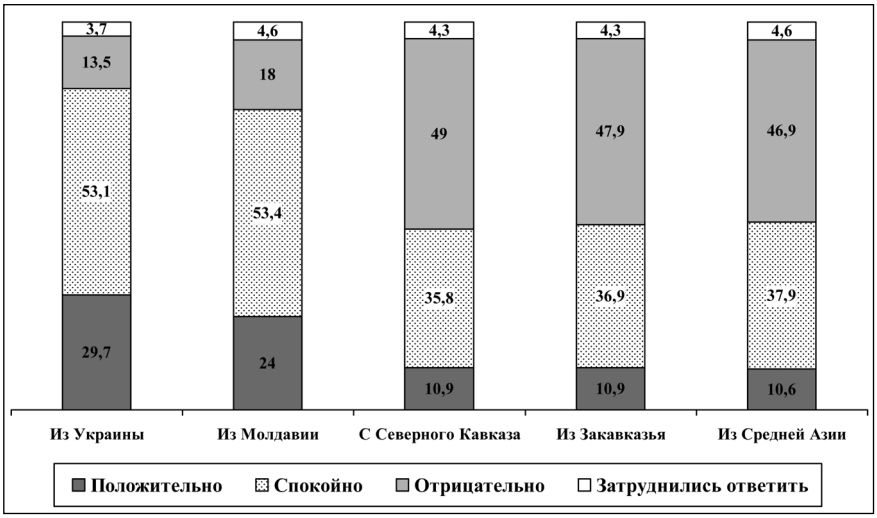

Рисунок 5. **Отношение к близкому соседству семей приезжих, %**

Негативное отношение к приезжим другой, отличной от русской национальности может быть вызвано боязнью осложнения социально-экономической ситуации, роста преступности, возникновения конфликтов на национальной почве в своем регионе, городе, поселке, деревне или селе. И подобные страхи зачастую оказываются обоснованными. Глубокие социокультурные различия, особенности поведенческих стереотипов и экономических ориентаций создают дополнительную напряженность. Как показывают опыт и результаты исследований, в местах компактного проживания мигрантов нерусской национальности растут безработица, конфликтность отношений, преступность, угрозы национальной безопасности, связанные с формированием территориальных, иноэтнических анклавов, ослабляется трудовой потенциал, ухудшается жизненное положение россиян, усиливается напряженность в сфере межэтнических отношений, получают развитие вновь и вновь возникающие этнические конфликты. Переселенцы, в особенности с Кавказа, очень быстро адаптируются к новой среде, используя социальные связи и личные деятельностные ресурсы. Многие из них, не имея хорошего образования и престижной

профессии, активно включаются в торгово-посредническую деятельность или пополняют ряды криминальных структур.

Сам факт успешной адаптации приезжих вызывает у местного населения раздражение. Причем в большей мере это относится к тем людям, которые непосредственно не контактируют с мигрантами, не конкурируют с ними, но слишком впечатлительно воспринимают различные слухи.

Немало трудноразрешимых вопросов возникает в связи с заселением приграничных районов Дальнего Востока и некоторых других регионов гражданами из сопредельных и других государств (особенно китайцами, курдами, корейцами, вьетнамцами), наплывом иностранных рабочих и мелких торговцев из стран ближнего зарубежья, многие из которых пытаются осесть в России надолго или насовсем. Поскольку миграционные потоки не регулируются, переселенцы сосредоточиваются в мегаполисах и других крупных городах, предлагающих широкие возможности трудоустройства и приемлемые условия оплаты труда.

Этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что более негативно настроены против приезжих жители средних и крупных городов, а более доброжелательно — граждане, проживающие в поселках городского типа и сельской местности (табл. 2). При этом наиболее негативные показатели отмечены в средних и малых городах.

Таблица 2. **Зависимость отношения к соседству семей приезжих от места проживания респондентов, %**

Отношение к соседству приезжих из:	Региональный центр		Другой город		Поселок городского типа		Село	
	Положительно	Отрицательно	Положительно	Отрицательно	Положительно	Отрицательно	Положительно	Отрицательно
Украины	25,4	13,5	30,0	16,3	41,5	6,6	33,4	12,5
Молдавии	18,5	18,5	23,4	21,8	36,4	10,0	30,1	15,2
Северного Кавказа	7,0	50,3	8,6	56,1	24,8	37,7	15,8	42,7
Закавказья	6,9	50,0	8,5	55,8	24,5	32,2	16,3	40,4
Средней Азии	6,8	48,3	8,0	54,6	24,4	32,1	15,9	40,6

Иммигранты нерусской национальности в большинстве своем представляют малообразованную, неквалифицированную рабочую силу. Многие из них до переезда проживали в сельской местности и небольших поселках. Поэтому их адаптация к образу жизни крупных городов не вполне тождественна их этнической ассимиляции. Приезжие чувствуют себя в мегаполисах и крупных городах обделенными и настроены против того мира, который им предстоит завоевать. Законы большого города, его стиль, философия жизни — все это совершенно непонятно человеку, который вырос в маленьком

городке или деревне. Оказавшись в крупном городе, мигранты вынуждены постоянно доказывать, что достойны хорошей работы, жилья, положения и т.п. и испытывают от всего этого тяжелейший стресс.

Высокооплачиваемые рабочие места для мигрантов зачастую недоступны из-за низкого уровня образования и квалификации. Но они быстро концентрируются и занимают определенные ниши на рынках труда, вытесняя из них местное население. Трудности адаптации побуждают мигрантов селиться группами или вблизи своих соотечественников в расчете найти помощь и моральную поддержку. Эта микросреда если и не в состоянии избавить иммигрантов от материальных трудностей и лишений, то, по крайней мере, смягчает их материальные тяготы и частично нейтрализует стрессовые состояния. В результате группового расселения приезжих в крупных городах интенсивно образуются новые «этнические коммуны» или «этнические кварталы», вокруг которых формируются своеобразные зоны преступности и повышенной этнической конфликтности. Немаловажную роль в консервации образа жизни приезжих, их обособленности, закрытости от «нового общества» играет этническое давление, неприязненное отношение к ним со стороны коренного населения.

После распада бывшего союзного государства Россия стала более этнически однородной (русские составляют более 80%). Поэтому на уровне массового сознания отношение к переселенцам в решающей степени диктуется позицией, которую занимает этническое большинство. Но, хотя другие этнические группы не могут поколебать общее соотношение толерантных и интолерантных установок, их взгляды нередко вызывают существенные сдвиги в общественном сознании, имеющие важные и далеко идущие последствия для развития межэтнических отношений. К тому же доля нерусского населения постоянно растет, и вместе с этим ростом повышается статус одних этносов и снижается статусное положение других, а следовательно, меняется и соотношение основных позиций.

В многонациональной стране, которой необходима новая самоидентификация, процесс формирования доверительных отношений идет крайне непоследовательно и очень трудно, через преодоление различных этнических предрассудков, стереотипов и фобий. В наибольшей степени заражены фобиями молодые люди, в особенности малообразованные, пытающиеся найти свое место в жизни, но располагающие меньшими материальными и иными ресурсами, чем другие сверстники.

Значительная часть населения России подвержена националистическим настроениям, проявляющимся на бытовом уровне. Прежде всего склонны связывать негативные черты в поведении людей с их этнической принадлежностью малообеспеченные и малообразованные слои населения, с низким уровнем общей культуры, которые мнимую или действительную непрестижность собственного положения в обществе, например, в его политической

организации, в сфере науки и т.д., компенсируют педалированием престижа своей этнической группы. Части населения оказалось свойственным стремление к упрощенным насильственным решениям, выражающимся, с одной стороны, в левом экстремизме, а с другой — в правом радикализме националистического толка.

В целом обострение национальных отношений, межэтнических конфликтов обусловлено всей совокупностью политических, экономических, идеологических и культурных факторов, имеющих место в трансформирующемся обществе. Этнические перегородки, накладываясь на трудности адаптации к трансформационным шокам, делают жизнь людей еще более сложной и драматичной. Поэтому раздираемое многими противоречиями общество заинтересовано в том, чтобы идея укрепления доверия прочно вошла в повседневную жизнь и практику межэтнических отношений.

4. РОДСТВЕННО-ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Колоссальная социальная дифференциация, разделившая людей по социальному положению, уровню материального благосостояния, качеству жизни, в то же время разобщила людей, разъединила и отдалила их друг от друга. Разобщенность и нарушение взаимопонимания в обществе затронули разные области межличностных отношений, но, к счастью, не в одинаково катастрофической форме. Наиболее устойчивым к воздействию неблагоприятных факторов, инициированных трансформационными процессами, оказалось ближайшее окружение, сохранившее необходимый уровень доверия и взаимопонимания между людьми, который помогает многим не терять уверенности в себе и с оптимизмом смотреть в будущее. Сложившееся здесь непосредственное личное общение служит хорошей базой для возникновения более тесных, доверительных и эмоциональных межличностных отношений.

Как известно, различные группы повседневного контакта обеспечивают первостепенные, наиболее важные потребности в общении, защите и самоутверждении. Причем каждый человек принадлежит одновременно ко многим контактным группам одновременно. Не однородно и ближайшее окружение, к которому относятся как близкие родственники и друзья, так и обычные знакомые, коллеги, товарищи по работе и учебе, принадлежащие, как правило, к одному поколению. Формирующиеся в этих сегментах связи, с присущим им высоким, но все же разным по уровню доверием, принадлежат к разным типам социального капитала.

В соответствии с классификацией, которую предложил Р. Патнэм[1], социальный капитал на межличностном (индивидуальном) уровне разделя-

[1] *Putnam R.D.* The Strange Disappearance of Civic America // American Prospect. 1996. № 24; *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000.

ется на два типа или вида. Первый тип, называемый связующим (bonding), характеризует отношения между членами достаточно однородных групп (члены семьи, близкие друзья), в наибольшей степени сходные с понятием сильных связей. Особенность данной разновидности социального капитала заключается в том, что сильные социальные связи, доверие и взаимные обязательства внутри групп обеспечивают высокий уровень поддержки ее членов и одновременно требуют от них больших ответных обязательств. Этот вид капитала, основанный на глубоком доверии, помогает человеку быть принятым в данном сообществе (getting by). Второй тип социального капитала, называемый включающим [bridging (inclusive)], характеризует отношения со знакомыми, партнерами, коллегами. Эти более слабые и разнородные связи особенно важны для продвижения по социальной лестнице (getting ahead). Они конструируются, поддерживаются и развиваются как на основе рационального расчета, так и на основе общности интересов, совместной деятельности, подкрепляются доверием, взаимными ожиданиями.

Родственно-дружеские связи, играющие особую роль в жизни людей, характеризуются сегодня наиболее высоким уровнем доверия, сплоченности и солидарности. В этом убеждены почти две трети россиян. Вместе с тем у многих из них этот круг ограничен всего лишь несколькими людьми. Дружеские отношения наиболее интенсивны в молодом возрасте, но после 30—40 лет постепенно затухают. Указанные выводы подтверждают данные ВЦИОМ, полученные в сентябре 2006 г. Согласно этим данным, сегодняшние россияне в наибольшей степени доверяют самым близким родственникам: 62% доверяют им полностью, 32% — в какой-то иной степени и 4% — не доверяют. Гораздо меньше людей доверяют своим друзьям: 34% доверяют полностью, 54% — в какой-то другой степени и 7% вообще не испытывают к ним никакого доверия.

Что касается знакомых, то, как показывают данные РМЭЗ, им доверяет меньше людей — в целом (полностью и в какой-то иной степени) около 60%. И примерно столько же (57,4%) рассчитывает, что большинство знакомых доверяют им. Но при этом почти три четверти опрошенных убеждены, что знакомые важны в их жизни. Очень многие люди получают через своих друзей и знакомых допуск к дополнительным ресурсам (материальным, образовательным, культурным и др.), что приобретает особое значение в кризисных условиях.

Ближайшее окружение формируется, как правило, из людей равного материального положения. В нынешнем российском обществе, где материальные аспекты преобладают над моральными, большинству людей не остается делать ничего другого, как только объединяться по сословному, имущественному признаку. Именно так живут люди в большинстве стран, олицетворяющих собой современную цивилизацию. Вместе с тем каждый седьмой опрошенный общается с людьми, большинство которых живут лучше, чем он.

И у каждого двенадцатого респондента ближайшее окружение состоит в основном из людей, у которых материальный достаток оказывается ниже. В этом тоже проявляется противоречивость современной российской действительности, когда расслоение общества по уровню доходов и материальному положению прошло через родственников, друзей, товарищей и просто хороших знакомых. Материальное неравенство, как ржавчина разъедающее атмосферу доверия и доброжелательности между людьми, становится серьезным фактором, обуславливающим смену друзей и знакомых или групп повседневного контакта в целом. Но по мере того, как новое общество приобретает все более четкие очертания, интенсивность этих процессов постепенно снижается.

Примечательно, что, вопреки бытующему мнению, согласно которому отношения в кругах богатых людей отличаются подозрительностью, настороженностью и взаимной отчужденностью, тогда как отношения между бедными людьми характеризуются в большей мере искренностью и отзывчивостью, респонденты с более высокими доходами выше оценивают уровень доверия в своей среде, чем малообеспеченные. К этому следует добавить, что, как уже отмечалось, лица, занимающие более высокие ступени на шкале материального благосостояния, выше оценивают уровень доверия в обществе.

Если сопоставить высокие показатели доверия к своим близким с невысоким уровнем доверия к окружающим людям в целом, можно прийти к мысли, которую удачно сформулировал Г.Г. Дилигенский. Суть ее заключается в том, что «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга — масштабами семьи»[1].

Родственно-дружеские связи играют огромнейшую роль в жизни людей. Как бы то ни было, но именно доверие остается главной ценностью общества, помогающей людям решать самые сложные проблемы, в том числе определяющие течение их жизни на многие годы вперед. Основанные на доверии родственно-дружеские связи формируют сети нерыночного обмена, выполняющего важные экономические и социальные функции. Реципрокный обмен, противопоставляемый рыночному обмену, предполагает передачу индивидами тех или иных благ на безвозмездной основе, оказание поддержки или услуг, подчиняясь установившемуся неформальному порядку. Регулируемый социальными нормами обмен благами становится распределительным механизмом группы или сообщества, альтернативным рыночному обмену[2]. Данные исследований убеждают, что две трети российских семей, а именно 67%, получают различные виды помощи со стороны непосредственного окру-

---

[1] *Дилигенский Г.Г.* Становление гражданского общества: Культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., 1998. С. 230.

[2] См.: *Барсукова С.Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20—30.

жения. С учетом же тех, кто не пользуется поддержкой родственников, но поддерживает их сам, доля граждан, являющихся участниками родственно-дружеских взаимообменов, увеличивается до 80%[1]. В период радикальных преобразований сети взаимопомощи, основанные на семейных и дружеских отношениях, содействовали адаптации значительной части семей к динамично обновляющейся социальной среде.

Среди возможностей родственно-дружеской помощи на первом месте находится решение вопросов кредитования. Причем это характерно для различных категорий населения, лиц молодого и старшего возраста. Но вместе с тем есть и определенные различия. Так, для лиц людей старшего возраста особую роль приобретает помощь, позволяющая решать проблемы, обусловленные состоянием здоровья и материального обеспечения, тогда как связи молодых людей больше направлены на решение задач, формирующих траекторию жизненного пути: образование, профессиональная карьера и т.п.

Существует немало доказательств того, что родственные и дружеские связи, играющие важнейшую роль в формировании социального капитала, определяют доступ к престижному образованию. Согласно оценкам населения, социальный капитал семьи является более важным фактором, влияющим на возможность получения престижного высшего образования, чем доход и место проживания семьи. Самые распространенные стратегии поступления в ВУЗы основываются, во-первых, на уровне подготовки, подкрепленном неформальными связями или платежами родителей (64%) и, во-вторых, только на неформальных связях или платежах родителей (29,6%). Эти стратегии оказываются намного весомее, чем стратегия, базирующаяся только на уровне подготовки абитуриентов (7%). Установлено также, что неформальные практики поступления имеют тенденцию к воспроизводству при дальнейшем трудоустройстве и продвижении по карьерной лестнице[2].

Важнейшей, судьбоносной проблемой, с которой неоднократно приходится сталкиваться каждому человеку в течение жизни, является проблема трудоустройства. Изучение различных стратегий поведения на рынке труда показывает, что при поиске работы люди больше всего надеются на своих друзей и знакомых (табл. 3). В 2008 г. к этому способу поиска работы прибегали 78,2% граждан, обеспокоенных решением проблемы трудоустройства. Значительным является также количество людей, пытающихся найти работу через своих родственников (39,4%). Причем сегодня эти способы стали еще популярнее, чем в первой половине 90-х годов прошлого века. Так, в декабре 1994 г. к ним прибегали соответственно 60,5 и 29,5% всех лиц, занятых поиском работы.

---

[1] *Давыдова Н.М.* Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 167—182.

[2] См.: Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2004.

Таблица 3. **Способы поиска работы, %**[1]

Обращались в поисках работы:	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.
в государственные службы занятости	38,2	45,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4
в негосударственные службы занятости	13,1	12,0	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1
к друзьям, знакомым	60,5	66,3	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2
к родственникам	29,5	41,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4
непосредственно на предприятия	45,0	47,3	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7
к рекламным объявлениям	29,6	34,8	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2
к рекламным объявлениям в Интернете	—	—	—	—	—	—	13,1	19,6

Поиск работы через родственников, друзей и знакомых выступает ведущим инструментом трудоустройства в подавляющем большинстве высокоразвитых стран. Однако в российском обществе его преобладание проявляется особенно четко, что во многом связано с информационной непрозрачностью самого процесса трудоустройства. Как показывает практика, основные потоки информации как о рабочих местах, так и рабочей силе циркулируют по неформальным сетям, в которые включаются все участники рынка труда. И для работников, и для работодателей обращение к родственникам и друзьям, коллегам и знакомым становится важнейшим каналом, обеспечивающим доступ к необходимой информации и гарантирующим ее максимальную надежность. По данным РМЭЗ, отношение обращавшихся к родственникам, друзьям, знакомым (но не к формальным посредникам) при поиске работы к прибегавшим к услугам формальных посредников (но не родственников, друзей, знакомых) составляет в среднем по России 2,6. Примерно такой же показатель (2,9) был получен в ходе специального исследования, проводившегося в 2002 г. в Санкт-Петербурге и Саратове[2].

Поиск работы с использованием родственно-дружеских связей оказывается не только самым распространенным, но и крайне эффективным инструментом трудоустройства (рис. 6). Отвечая на вопрос «Как Вы нашли Вашу основную работу?», осенью 2008 г. свыше половины работников указали, что через своих друзей, товарищей и знакомых (41,9%) или через родственников

[1] Доля обращавшихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

[2] *Матвеенко В.Д., Савельев П.А.* Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 2.: Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2004. С. 66—67.

(11,5%). Обращает на себя внимание и тот интересный факт, что примерно каждый десятый работник (10,5%) устроился на свою нынешнюю работу по приглашению руководства или других сотрудников данной организации (предприятия), т.е., по сути, по чьей-то протекции, и небольшая часть — по распределению, но со связями.

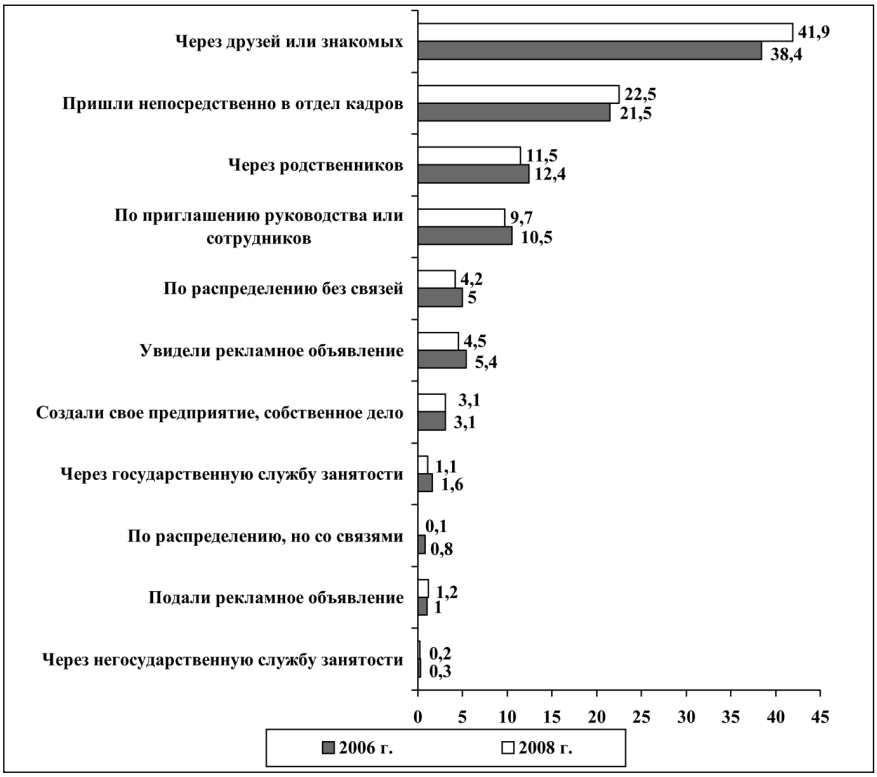

Рисунок 6. **Способы устройства на работу, %**

Итак, все чаще кадровые работники подбирают специалистов, особенно на ответственные должности, используя личные связи, прислушиваясь к рекомендациям людей, которых они хорошо знают, которым доверяют. Хотя нельзя не обратить внимание и на то, что нередко за родственно-дружескими и другими им подобными связями скрываются такие осуждаемые обществом явления, как блат, семейственность, кумовство, землячество и т.п. Но провести четкую грань, где «помощь родственников» отличается от «семейственности», а «рекомендации друзей» от «блата», практически невозможно. Родственники, друзья и знакомые играют не только роль входа в неформальную профессиональную сеть, по которой идет поиск работы, но и выступают в качестве посредника, доверенного лица при трудоустройстве.

Изложенные данные являются наилучшим доказательством высокого уровня взаимопонимания, толерантности и доверительности родственно-дружеских взаимоотношений. Но если учесть, что большинство сложившихся социальных сетей носит неформальный характер, то можно утверждать, что полученные данные одновременно свидетельствуют о явном недоверии значительной части россиян к формальным государственным институтам.

С расширением и углублением трансформационных процессов в России существенно изменился сам характер взаимоотношений между людьми. Как отмечает Г.В. Градосельская, в переходных социальных структурах, где институциональные формы обмена и доверия разрушены либо еще не сформировались, обращение социального капитала осуществляется «неформально», в обход официальной системы норм, а иногда и вопреки ей. Социальные сети компенсируют нормативный вакуум и порождают «теневые» формы солидарности по формуле: сегодня я помогу тебе — завтра ты поможешь мне[1]. В этой связи отмечается также особая значимость социального капитала для развития неформальной экономики и получает дальнейшее развитие идея множественности видов капитала (физического, финансового, человеческого и социального), используемого людьми для выживания в сложных социально-экономических условиях, решения повседневных проблем, вызывающих особое беспокойство у населения в условиях кризиса[2]. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что именно личные социальные сети обеспечили выживание многих российских семей в наиболее трудные годы социальных трансформаций.

Доверие составляет важный момент межличностного общения, которое присутствует во всех сферах общественной жизни. Его отсутствие противоречит самой сути отношений между людьми. Общение предполагает такое взаимодействие общающихся сторон, при котором происходит обмен мнениями, информацией, опытом и т.д. Как замечает К.А. Абульханова-Славская, общественная природа общения вызывает у индивида постоянно возобновляющуюся потребность в нем, которая может быть потребностью в изменении каких-либо свойств, качеств, сторон в самом себе или другом человеке (индивидуально-личностная сторона общения), потребностью в решении совместной задачи, в достижении совместной цели (социально-предметная сторона общения) и др.[3] Каждый человек сам выбирает способ и формы общения с другим человеком, но в любом случае общение должно осуществляться осмысленно и предполагать хотя бы минимальную степень доверия, позволяющую взаимодействовать на основе взаимопонимания. Не

---

[1] *Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156—163.

[2] *Бюссе С.* Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 93—104.

[3] *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 168.

важно, относится ли общение к деловой или личной сфере, является ли оно непосредственным или опосредованным, особое значение имеют те мировоззренческие и этические принципы, на основе которых данная личность вступает в общение.

Анализ данных РМЭЗ показал, что в то время, когда одни люди расширяют круг своего общения, приобретают новых друзей и товарищей, получают дополнительные возможности для самовыражения, раскрытия своей индивидуальности, другие выпадают из привычного поля связей и отношений, уходят от активных контактов со своими друзьями и знакомыми, замыкаются в себе или в своей семье, а для многих главной проблемой становится одиночество. Нынешний кризис межличностного общения — это проблема как самого человека, так и всего общества в целом, поскольку он непосредственно связан с глубокими и противоречивыми переменами, которые происходят в обществе и в жизни отдельного человека. Человек активно взаимодействует не только с другими людьми, но и с общественной системой, соприкасается со всеми сферами общественной жизни.

В разобщенном обществе возникает немало предпосылок для обострения проблемы одиночества. В наибольшей степени одиночество характерно для пенсионеров, вдов (вдовцов), одиноких людей старшего возраста, людей, попавших по тем или иным причинам в трудную ситуацию. Абсолютное большинство из них имеют очень узкий и постоянный круг общения. Человек в пожилом возрасте утрачивает прежние социальные роли, часто теряет родных и близких, отдаляется от приобретших самостоятельность детей, что приводит к сужению круга контактов, вариантов и оценок и отношения к окружающей действительности. В условиях одиночества протекают также многие виды профессиональной деятельности, когда общение с другими людьми происходит лишь эпизодически. Число таких профессий растет по мере распространения достижений научно-технического прогресса, в особенности компьютерных технологий и современных средств коммуникации.

Распад ранее существовавших социальных структур привел к утрате индивидом групповой идентичности, которая обеспечивала удовлетворение потребности человека в общественной принадлежности и духовной защищенности. В постсоветской России мы видим, что порой одиночество вынуждает человека искать замещения утраченных форм идентичности или создавать в определенных ситуациях новые идентификационные структуры. Не случайно нынешняя, не устоявшаяся еще, конфигурация социальных идентификаций отличается большим своеобразием. Одной из ее наиболее характерных особенностей является слабость гражданской идентичности. В целом гражданская идентификация уступает по степени распространения профессиональной, этнической, региональной, земляческой, религиозной и сопоставима лишь с политико-идеологической идентификацией, заметно потерявшей вес в последние годы.

Парадоксально, что с развитием средств коммуникации все больше людей лишаются полноценного общения, выпадают из межличностных связей. Одни — потому, что они не умеют общаться так, как принято сегодня; другие — потому, что они не в состоянии выразить себя; третьи — потому, что не отвечают стандартам сегодняшней жизни. Многие исследования убедительно доказывают, что в наши дни одиночество стремительно распространяется. Нередко оно обрушивается даже на вполне благополучных и преуспевающих лиц, занимающих достойное положение в обществе.

Большинство специалистов сходится в том, что одиночество — это такое состояние, которое связано с утратой человеком связей с семьей, коллективом, обществом. Потеря контактов с другими людьми является серьезным фрустрирующим фактором, источником апатии и пассивности, тревог и сомнений, неуверенности и подозрительности к другим людям. Одиночество превращает человека во внутреннего или внешнего аутсайдера, теряющего точки соприкосновения с социумом, делая из него стороннего наблюдателя важнейших общественных событий. Острые социальные проблемы, политические и экономические интересы других людей теряют для такой личности всякий смысл.

5. ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Одной из немногих, но довольно обширных и стабильных сфер межличностного доверия в нынешнем российском обществе являются трудовые коллективы. И это имеет свои объяснения. Зоной межличностного доверия трудовые коллективы становятся благодаря тому, что они обеспечивают соединение индивидов на основе общих целей и задач, объединяют усилия всех членов коллектива для их достижения и обеспечивают определенную степень внутригрупповой интеграции и стабильности[1]. Постоянные контакты, являющиеся одним из основных признаков тесных связей, характерны не только для малых, но и для крупных предприятий и организаций, где основная трудовая и общественная жизнь протекает в сравнительно небольших подразделениях — цехах, бригадах, участках, отделах и т.д.

Сегодня, как показывают исследования, чаще всего приходится говорить об отдельных микроколлективах на предприятиях и в организациях, которые формируются на основании симпатий, личного доверия, уважения к человеческим качествам или профессиональным достоинствам сотрудников. В определенном смысле они представляют собой социальные сети, в рамках которых люди очень тесно взаимодействуют, взаимно выручают и помогают друг другу[2]. Это так называемые первичные (контактные) кол-

---

[1] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 349—350.

[2] *Клеман К., Климова С.Г., Ядов В.А.* Практики узаконенных и неформальных правил трудовых отношений на российских предприятиях: плюсы и минусы // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 113.

лективы, занимающие в общей иерархии самый нижний уровень. Их главная особенность заключается в том, что именно здесь возникают устойчивые, стабильные повседневные личные контакты между работниками. Взаимное доверие, формирующееся в таких небольших сообществах, еще называют плотным или тесным доверием, которое является существенной составляющей механической солидарности, возникающей из первичных отношений, интенсивных ежедневных контактов людей.

Члены трудового коллектива заняты совместной трудовой деятельностью, которую известный австрийский философ и социолог А. Шюц справедливо называл преобладающей формой человеческой активности. Среди всех видов активности именно она «играет важнейшую роль в конструировании реальной повседневной жизни»[1]. Посредством регулярной трудовой деятельности реализуется основная функция повседневности — жизнеобеспечение, вокруг которой концентрируются многие другие важные проблемы. Трудовая деятельность не только удовлетворяет важнейшие жизненные потребности, но и объединяет разрозненных индивидов в единый социальный организм, т.е. выступает коллективообразующим фактором, являясь транслятором культуры и одновременно необходимым условием ее развития. В процессе непосредственного общения проявляются индивидуальные особенности людей, их потребности и интересы, ценности и установки. Происходит их взаимное восприятие, взаимопонимание. Личные контакты сопровождаются такими социально-психологическими процессами, как сочувствие, соучастие и сопереживание.

В конечном счете, любой трудовой коллектив достаточно однороден, объединяет работников одного профиля (профессии, специальности), занятых общим делом и нацеленных на достижение одной цели, тогда как общество исключительно разнородно, разнопланово и многомерно. Подобные особенности создают хорошие предпосылки для формирования отношений доверия, сотрудничества и взаимопонимания в трудовом коллективе.

Этими и некоторыми другими обстоятельствами во многом объясняется тот факт, что, несмотря на разобщенность, поразившую российское общество на этапе социальных трансформаций, в трудовых коллективах сохранился высокий уровень межличностного доверия. Подавляющее большинство опрошенных в конце 2007 г. работников указывали, что доверяют людям, с которыми вместе работают (рис. 7). В том числе 24,2% респондентов — доверяют им полностью. Тогда как не доверяют своим коллегам, сослуживцам всего лишь 2,6% опрошенных.

Рассматривая высокие показатели межличностного доверия в трудовых коллективах, следует, однако, иметь в виду, что даже «полное доверие» к сослуживцам и коллегам не является однородным, окрашенным в одинаковые тона. Как очень точно и справедливо замечено, «лишь немногих избранных

[1] Современная американская социология. М., 1994. С. 191.

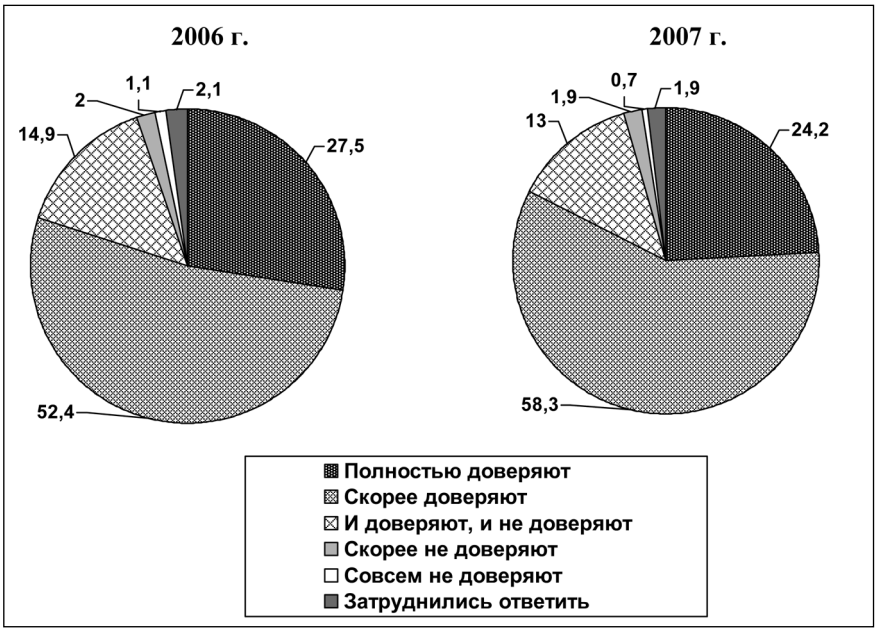

Рисунок 7. **Уровень межличностного доверия в трудовых коллективах, %**

мы жалуем большим и глубоким доверием, полагаясь на них, как на «каменную стену», — на их безусловную честность, расположение и верность по отношению к нам; причем, как известно, эти немногие далеко не всегда «такие, как мы», и поэтому не могут претендовать на ту симпатию, какую обычно мы питаем к людям того же класса или сословия»[1]. Иными словами, доверие к коллегам или сослуживцам может быть чрезвычайно широким, но в то же время не очень глубоким, и от того достаточно слабым или шатким. Кроме того, доверие к товарищам по работе несколько иного рода или свойства, чем доверие к близким родственникам и друзьям. Это связано с тем, что формирующиеся в этих сегментах связи, с присущим им высоким, но все же разным по уровню и характеру доверием, принадлежат, как уже отмечалось, к разным типам социального капитала. В результате доверие к товарищам по работе оказывается не столь глубоким и сильным, как доверие, характерное для тесного родственно-дружеского круга.

Высокий уровень доверия между работниками характерен для трудовых коллективов различных типов и видов[2]. Хотя при этом были выявлены и не-

[1] *Теннис Ф.* Общность и общество // Теоретическая социология: Антология. Ч. I / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 220.

[2] В основе выделения типов и видов трудовых коллективов лежат два разных критерия: форма собственности, на которой базируется деятельность соответствующего предприятия, и сфера его функционирования.

которые различия. Как оказалось, тесные, доверительные отношения чаще складываются на государственных предприятиях, чем на предприятиях, владельцами или совладельцами которых являются иностранные фирмы, компании или иностранные частные лица, а также российские частные лица, коллективы предприятий или российские частные фирмы. Характерно, что на частных предприятиях, принадлежащих россиянам, самым низким оказался и показатель «полного доверия». Но в целом влияние формы собственности на уровень доверия в трудовом коллективе оказывается не особенно существенным. Что касается видов трудовых коллективов, то повышенный уровень доверия фиксируется в управленческих, научных, медицинских, сельскохозяйственных коллективах, а пониженный — в промышленных и творческих коллективах, но особенно в коллективах, объединяющих торговых работников. Но и здесь различия не особенно велики.

Выявленные различия выглядят вполне логичными, если принять во внимание, что традиции коллективизма, сохраняющиеся как бы по инерции на многих государственных предприятиях, предполагают более высокий уровень доверительности между сотрудниками, чем на предприятиях других типов. Анализ изложенных данных позволяет также предположить, что усилия, предпринимаемые на частных предприятиях по формированию новой корпоративной культуры, нормальной морально-психологической атмосферы, климата взаимного уважения и доверия не всегда служат достойным противовесом господствующим здесь нормам индивидуализма.

С одной стороны, под корпоративной культурой понимается определенная внутренняя атмосфера, социальный климат предприятия или организации. Она отражает доминирующие в корпорации обычаи, нравы и ожидания. Руководство компании использует корпоративную культуру для привлечения необходимых ей типов работников и для стимулирования определенных стилей поведения сотрудников. С другой стороны, корпоративная культура представляет собой некоторую систему убеждений, норм поведения, установок и ценностей, определяющих, как должны вести себя и работать люди в данной компании. Причем в каждой стране складывается свой собственный, сугубо индивидуальный набор бизнес-норм. И в этом смысле корпоративная культура выступает в качестве одного из факторов укрепления доверия в трудовых коллективах. Однако в настоящее время ее влияние на взаимоотношения между работниками на российских предприятиях выглядит не столь однозначно. В немалой степени это объясняется неразвитостью основных элементов российской корпоративной культуры, которая еще только приобретает свои специфические черты.

Достаточно сложная ситуация складывается, в частности, на предприятиях, которые идут по пути заимствования опыта западных предприятий. Многое из того, что на Западе считается удачным в плане создания благоприятной социально-психологической атмосферы в трудовых коллективах,

в России не приживается. Речь идет, например, о создании на предприятиях и в организациях специальной системы, отслеживающей исполнение работниками норм корпоративной культуры. В соответствии с этой системой каждый работник обязан докладывать в отдел по работе с персоналом о неправильно одетом коллеге, случайно подслушанном разговоре по телефону, увиденном нарушении установленного в компании порядка и т.п. Для осуществления систематического слежения за соблюдением корпоративных требований в компаниях обычно создаются специальные отделы. Очень плохо приживается на российской почве и так называемый институт эссесмента. Суть его заключается в том, что HR-департаменты через определенные промежутки времени рассылают сотрудникам опросные листы, в которых те должны характеризовать не только профессиональную квалификацию и качество работы своих коллег, но и их личные качества.

Рассчитывать, что выполнение подобных правил будет способствовать укреплению доверия между отдельными работниками, а также между коллективом и руководством корпораций, вряд ли уместно. Люди, попадающие на предприятия, где действуют подобные новшества, ощущают себя не товарищами по работе или коллегами, а членами какой-то секты или тайного сообщества. Не случайно на многих предприятиях, развивающих такие черты корпоративной культуры, ощущается большая текучесть кадров.

Но есть, безусловно, немало и того, что действительно содействует улучшению социально-психологического климата в трудовых коллективах, укреплению доверия между сотрудниками. Речь идет не только о хорошо знакомых с советских времен торжественных собраниях с награждением особо отличившихся, досках почета, трудовых соревнованиях и т.п. Весьма эффективна, например, распространенная во многих иностранных компаниях программа warm welcome, которая способствует быстрому «втягиванию» новых сотрудников в стиль работы фирмы. Это своего рода система наставничества, когда к новичку прикрепляется «ветеран» компании (куратор), обучающий новоприбывшего тонкостям работы на новом рабочем месте, руководящий его первыми профессиональными шагами. По истечении испытательного срока руководство совместно с куратором проводит тщательный анализ уровня адаптации нового сотрудника. Солидной составляющей современной корпоративной культуры является и так называемый team building — построение команды посредством проведения неформальных мероприятий с участием всех сотрудников компании.

К проблемным областям российской корпоративной культуры относится этический климат, который еще мало способствует укреплению доверия в трудовых коллективах. Многие работники, будучи подвержены «синдрому выживания», полагают, что любые средства хороши, если они ведут к достижению главной цели — сохранению хорошей работы, удачному карьерному продвижению, получению прибавки к заработной плате и т.п.

В целом на предприятиях и в организациях уровень доверия между работниками выше, чем между занятыми вне предприятий (у физических лиц), а также между занятыми в том сегменте неформального сектора, где трудовые отношения — если они существуют — базируются преимущественно на привлечении случайных, непостоянных работников. В силу особенностей характера трудовой деятельности, низкой стабильности, невысокого качества работников, занятые вне предприятий и организаций довольно редко образуют общности, отличающиеся тесными и надежными, основанными на доверии и уважении связями.

Опираясь на результаты РМЭЗ, со всей определенностью можно также утверждать, что уровень доверия между работниками выше в благополучных трудовых коллективах, где выше общая удовлетворенность трудом, а также удовлетворенность отдельными его сторонами, т.е. частных удовлетворенностей. Так, среди респондентов, полностью удовлетворенных своей работой, доля лиц, доверяющих товарищам по работе, в 1,3 раза больше, чем среди тех, кто совсем не удовлетворен трудом (соответственно 85% против 67%). Особенно впечатляющим оказывается этот разрыв, достигающий более 2,5 раз, в отношении лиц, полностью доверяющих своим коллегам. Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении удовлетворенности условиями и оплатой труда, возможностями профессионального роста.

Во многих благополучных коллективах строго соблюдается принцип дружественных взаимоотношений, что повышает сплоченность его членов и эффективность совместной работы. В таких коллективах, как правило, бывает меньше проблем в общении, реже возникают условия для недопонимания, напряженности, враждебности и недоверия. Члены высокосплоченных коллективов испытывают сильную тягу друг к другу и относятся к товарищам по работе с большим вниманием и уважением.

Характер взаимоотношений в трудовом коллективе в немалой степени определяется его составом — соотношением работников с разным уровнем образования и квалификации, руководителей и исполнителей, мужчин и женщин, молодежи, лиц среднего и пожилого возрастов и т.д. В этой связи представляет интерес тот факт, что в большей степени склонны доверять товарищам по работе люди старшего поколения (около 85% среди лиц в возрасте старше 60 лет против 78% в других возрастных группах). Причем полностью доверяют своим сослуживцам или коллегам 31,4% респондентов в возрасте 51–60 лет и 44,4% опрошенных старше 60-летнего возраста, тогда как среди 31–50-летних таких около 26%, а среди самых молодых людей (до 30 лет) — только 22,6%. Обращает на себя внимание и тот факт, что чаще доверяют коллегам и сослуживцам люди, оформленные на работе официально (по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту), удовлетворенные своим материальным положением и жизнью в целом, позитивно оценивающие возможности достижения толерантных взаимоотношений между различными полярными группами населения.

Руководители крупных трудовых коллективов меньше доверяют коллегам или товарищам по работе, если, конечно, такие у них имеются, чем руководители низового звена. Подобное недоверие руководителей к своим сотрудникам стало причиной распространения такого явления, как семейственность в управлении компаниями и фирмами. С самого начала перехода к рынку многие предприниматели новой формации, не доверяя наемным служащим, строили свой бизнес исключительно на родственных и дружеских связях. И это несмотря на то, что значительная часть этих управленцев не имела даже законченного среднего образования. Другим, более поздним веянием в управленческой практике стало приглашение на ведущие должности специалистов с Запада, квалификация которых порой вызывает большие сомнения. Такие кадровые предпочтения не способствуют стремлению работников повышать свой профессиональный уровень, поскольку пробиться сквозь тесные ряды родственников и друзей человеку «со стороны» практически невозможно.

Фактором, снижающим уровень доверия к коллегам и сослуживцам, является перемена трудового коллектива, связанная со сменой места работы и/или профессии. Продвижение по служебной лестнице вверх, т.е. назначение на вышестоящую должность, как правило, не меняет отношения к товарищам по работе, тогда как переход на нижестоящую должность существенно его снижает.

Помимо взаимоотношений между сослуживцами, коллегами, товарищами по работе (по горизонтали), особого внимания заслуживают взаимоотношения между работниками и руководителями компаний, предприятий и организаций (по вертикали), что обусловлено глубокими изменениями в положении как работников, так и руководителей после перехода к рыночным отношениям.

Во многих социологических исследованиях отмечается появление повышенной жесткости в отношении руководства предприятий к работникам[1]. Руководители крупных корпораций зачастую относятся к своим работникам не как к человеческому капиталу, а как к обычному рабочему материалу. Это относится даже к коллективам наиболее продвинутых частных компаний и организаций, основу которых составляют высококвалифицированные специалисты с высшим образованием. Как считают эксперты, повышенная жесткость руководства выражается прежде всего в безграничном и совершенно необоснованном расширении рабочих обязанностей специалистов и использовании командно-истерических методов руководства[2]. Чрезмерность рабочих обязанностей, имеющая следствием постоянные переработки

---

[1] *Герчиков В.И.* Трансформация трудовых отношений в процессе приватизации промышленных предприятий // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С. 331.

[2] Новые известия. 2008. 25 марта.

и недостаток отдыха, приводит, в конечном счете, к массовым неврозам и росту заболеваемости персонала. А использование командно-истерических методов руководства создает агрессивный рабочий климат в коллективе, снижающий производительность труда и негативно отражающийся на здоровье персонала. Все это вместе взятое неизбежно приводит к экономическому ущербу.

Среди пострадавших от произвола руководителей больше всего офисных работников, которых именуют сегодня не иначе, как «новыми крепостными». В связи с этим не стоит удивляться, что одни из самых высоких показателей текучести кадров отмечаются в наиболее крупных частных компаниях. Многие сотрудники, соблазнившись непривычно высокими для России заработками и солидными социальными пакетами, не выдерживают огромного рабочего напряжения и тяжелого морально-психологического климата в крупных фирмах и нередко увольняются, не отработав даже одного месяца.

Если принять во внимание изложенные тенденции, несколько необычно выглядят показатели, демонстрирующие высокий уровень доверия опрошенных работников к руководителям компаний, предприятий и организаций, в которых они работают: доверяют 64,2% работающих респондентов, в том числе 17,4% — доверяют полностью. И это несмотря на наличие огромного проблемного поля, способного генерировать острые конфликты между работодателями и работниками в новых условиях, вопреки всем разговорам о причастности руководства предприятий и организаций, оказывающих решающее влияние на состояние производственных и непроизводственных процессов, к коррупции, о неспособности руководителей обеспечить своим работникам достойные заработки, постоянных задержках заработной платы на многих предприятиях, резко возросшей угрозе потери работы и других негативных явлениях, характерных для трансформационного периода.

По-видимому, дело здесь в том, что многие работники не осознают всей сложности своего положения в трудовом коллективе.

Довольно высокий уровень доверия к руководителям предприятий объясняется также особенностями мотивации нынешних работников, для которой характерно преобладание установок на заработок при сохранении для большинства коллективистских ориентаций на труд, использование рабочего времени и взаимоотношения с товарищами по работе. Существует немало предприятий, где для взаимоотношений работников и работодателей стала типична ориентация не на противостояние, а на приспособление, на усиление консенсуального взаимодействия, на одном полюсе которого находится патернализм, а на другом — партнерство. В наибольшей степени это характерно для промышленных предприятий[1].

[1] *Темницкий А.Л.* Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 26—37.

Взаимоотношения работников с руководством на предприятиях, различающихся по формам собственности, имеют свою специфику. На государственных предприятиях уровень доверия к руководству несколько выше, чем на предприятиях, владельцами или совладельцами которых являются частные российские лица, коллективы предприятий или российские частные фирмы, а также иностранные фирмы или иностранные частные лица.

Все вышесказанное убеждает в том, что, несмотря на колоссальные трудности трансформационного периода, углубление социальной дифференциации, усиление нетолерантности и разобщенности в обществе, трудовые коллективы сохранили достаточно высокий уровень внутригрупповой сплоченности и доверия, что объективно усиливает предпосылки для развития интеграционных процессов как основы стабильного, сбалансированного развития общества. Доверие, являющееся важнейшим основанием и компонентом социального капитала, повышает адаптационные ресурсы трудового коллектива, расширяя социальные связи, способствуя повышению уверенности работников в своих силах, в своей способности противостоять неблагоприятным процессам кризисного периода.